

ОБЩИНА В ДРЕВНЕМ ДВУРЕЧЬЕ

Акад. Н. М. Никольский

Вопрос об общине на древнем Востоке является основной проблемой, разрешение которой необходимо для правильного понимания специфики древневосточных общественных отношений и для подлинно-марксистского построения истории древнего Востока. Однако этой проблеме до сих пор не уделялось должного внимания. Мало того, в работах акад. В. В. Струве, как это теперь признано всеми, община или совсем игнорировалась, или упоминалась лишь вскользь, как рано исчезнувший составной элемент древневосточных обществ. Оппоненты акад. Струве пока ограничивались также, главным образом, общими замечаниями о необходимости изучения общины на древнем Востоке. Лишь в книге А. Рановича «Очерк истории древнееврейской религии» поставлен конкретно и в основном разрешен вопрос о древнеизраильской общине. Но по отношению к решающим участкам древневосточной истории, Египту и Двуречью, до сих пор исследование общины по существу еще не начиналось. Интересные и весьма важные замечания проф. В. И. Авдиева о египетской общине¹ являются только беглой наметкой, и притом, главным образом, по отношению к древней эпохе. В области изучения общины в странах древнего Двуречья не сделано даже и этого.

Здесь нельзя не видеть влияния точек зрения, прочно установившихся в буржуазной ориенталистике с конца XIX в. Лидер последней, Эд. Мейер, попросту отрицает вообще существование общинной формы землевладения. С его точки зрения, частная собственность на вещи, скот и рабов является «исконным (uralt) элементом человеческого развития». С того момента как люди от кочевого быта переходят к оседлости и земледелию, к этим элементам частной собственности присоединяется и частная собственность на землю². Буржуазные ориенталисты особенно энергично доказывали и проводили это положение при характеристике вавилонского и ассирийского хозяйственного и общественного строя. Наиболее типичную буржуазную формулировку права собственности на землю в древнем Двуречье мы находим у Швенцнера. Он утверждает, что земля в Вавилонии уже в II тысячелетии принадлежала двум категориям

¹ «Сельская община и искусственное орошение в древнем Египте», «Историк-марксист», 1934, кн. 6, стр. 70 сл.

² «Geschichte des Altertums», 2-e Aufl., т. I, ч. 1, стр. 44—45.

владельцев. Первая категория—это Krongut и Tempelland, земли, являвшиеся царскими и храмовыми доменами и эксплуатировавшиеся при посредстве армии (Heer) чиновников, наемных рабочих и государственных рабов; только некоторая часть этих земель отдавалась в ленное владение военным людям или в аренду. Другая категория—это Privatbesitz, земли, находившиеся в частной собственности, обрабатывавшиеся либо силами семьи владельца, иногда с помощью немногочисленных рабов, либо сдававшиеся в ту же аренду¹. Швенцнера повторяет Мейсснер, добавляющий, что и крестьяне (Bauern) обрабатывали принадлежавшие им на праве частной собственности участки также иногда с помощью рабов и наемников². Никакого общинного владения землей не было. Только в касситскую эпоху «культурного регресса» всплывает коллективная форма родового хозяйства (Sippenwirtschaft), которая была спорадическим явлением, исключением из общего правила³.

Нетрудно заметить, что эта же концепция лежит в основе концепции древневосточного общественного строя в работах акад. Струве. Акад. Струве, правильно отвергнув феодальную характеристику древневосточных обществ, не заметил, что эта характеристика у буржуазных ориенталистов занимает служебное положение в их основной концепции—частно-собственнического, капиталистического развития древнего мира. В связи с этой концепцией даже рабство на древнем Востоке буржуазными ориенталистами мыслилось и мыслится не как специфическая восточная форма развития патриархального рабства, а как одна из категорий частной собственности, аналогичная американскому рабству первой половины XIX в.

Однако совершенно очевидно, что концепция господства в древнем Двуречье частной собственности на землю стоит в непримиримом противоречии с основными положениями Маркса и Энгельса, согласно которым «восточный деспотизм и сменяющееся господство кочующих завоевателей в течение целых тысячелетий не могли уничтожить древнего общинного быта», «на Востоке не дошли до частной собственности, даже феодальной», «отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока», и основными производственными ячейками на Востоке с незапамятных времен были неизменно «самодовлеющие первобытные общины»⁴. В ряде стран древнего средиземноморского Востока Двуречье является ведущим; поэтому для историка-марксиста вопрос об общине именно в древнем Двуречье является основной проблемой.

Разрешение вопроса о существовании в древнем Двуречье сельской общины и общинного хозяйства—задача весьма нелегкая. Состояние документального материала таково, что хозяйственные и юридические документы рисуют почти исключительно хозяйство и право командующих слоев древних обществ Двуречья. Совершенно ясно и бесспорно, что шумерийские, вавилонские и ассирийские сановники и жрецы были рабовладельцами и что весьма значительная часть их владела также и участками земли, как «отцовскими», т. е. доставшимися по наследству,

¹ Schwenzner—Zum altbabylonischen Wirtschaftsleben, 1915, S. 52—53, 37.

² Meissner—Babylonien und Assyrien, I, 1920, S. 188—189.

³ Steinmetzer—Ueber den Grundbesitz in Babylonien zur Kassitenzeit, 1918, S. 4—6; Meissner, цит. соч., стр. 189.

⁴ «Анти-Дюринг», 6-е изд., стр. 115; Соч. М. и Э., т. XXI, стр. 493; «Капитал», т. I, стр. 405—406 (изд. Партиздата ЦК ВКП(б), 1934).

так и благоприобретенными. Такое «частное владение и пользование земель», в качестве подчиненной категории, как указывает Маркс, не исключается и существовало на Востоке, но в основном земельная собственность была там «концентрирована в национальном масштабе»¹. Отсюда ясно, что историки-марксисты обязаны поставить вопрос о новом пересмотре материала первоисточников истории Двуречья для отыскания там материала об общине и общинном хозяйстве.

Настоящая статья, конечно, не может ставить себе задачу исчерпывающего исследования по вопросу об общине в древнем Двуречье. Как будет видно ниже, тут необходимы коллективные усилия всех советских ориенталистов, занимающихся историей древнего Двуречья. Но для успешного разрешения этой новой трудной задачи необходимо прежде всего подсчитать тот баланс, с которого работа может быть начата, произвести дополнительные ориентировочные разведки в первоисточниках и выяснить те перспективы, какие открываются для изучения общины Двуречья. Уже в итоге этих предварительных разысканий с полной очевидностью обнаружится, что со стороны буржуазных ориенталистов имела место фальсификация и что положение Маркса и Энгельса о формах земельной собственности на Востоке целиком подтверждается также и материалом первоисточников истории древнего Двуречья.

Переходя к нашей непосредственной задаче, мы прежде всего должны указать, что еще в 1906 г. в буржуазной ориенталистике был отмечен документальный материал, свидетельствующий о существовании общинного землевладения и общинного хозяйства в древнем Двуречье. Это — материал относительно того «родового хозяйства» (*Sippenwirtschaft*) касситской эпохи, о котором упоминают Штейнметцер и Мейсснер. Однако эти немецкие ученые, сознательно или случайно, не захотели заняться этим материалом и потому не смогли учесть его значения. Это в известной степени сделал французский ассириолог Кюк, который первый в 1906 г. обратил внимание на касситский материал и впоследствии расширил свое исследование поисками материала об общине также в документах эпохи Хаммураби и более ранних вплоть до середины III тысячелетия². Кюк пришел к выводу, что в древней Вавилонии рядом с частной земельной собственностью, которую он признает ведущей, существовала также племенная коллективная собственность (*la propriété de tribu, collective*)³. С материала, привлеченного Кюком, и с проверки выводов Кюка мы и должны начать нашу работу.

Документы, разработанные Кюком, — это так наз. кудурру (*kudurru*). Термин кудурру собственно значит «граница», «межа», затем «владение»; в касситскую и последующие эпохи этим термином обозначались также межевые каменные стелы, на которых обычно вырезывался текст царского указа о пожаловании данного участка земли определенному лицу. Таких кудурру дошло до нас около трех десятков. Наиболее интересные и ранние кудурру относятся к концу касситской эпохи (XIV—XII вв.),

¹ «Капитал», 8-е изд., т. III, стр. 570:

² C u q — *La propriété foncière en Chaldée d'après les pierres limites (Koudourrous) du Musée du Louvre. «Nouvelle Revue historique de droit français et étranger», 1906, p. 701 sq.* Этот этюд был расширен привлечением материала кудурру из Британского, Берлинского и Константинопольского музеев и в виде особой главы вошел в большую работу Кюк к а — *Etudes sur le droit babylonien, les lois assyriennes et les lois hittites*, Paris, 1929.

³ «Etudes sur le droit babylonien», p. 98—99.

далее имеются кудурру из эпохи IV вавилонской династии (XII—XI вв.) и из эпохи ассирийской гегемонии, вплоть до Саргона и Меродах-Баладана (с IX до конца VIII в.). Несомненно, что значительное число таких кудурру погибло; по крайней мере, из ассирийских документов VIII в. нам известно, что дарование кудурру было тогда распространенным обычаем¹.

Основное значение для разрешения вопроса об общине в Двуречье имеют кудурру касситской эпохи, не только потому, что они дошли до нас в лучшей сохранности и в большем числе, чем позднейшие кудурру, но также и, главным образом, потому, что в них содержатся прямые указания на существование общин и на характерные черты последних. Согласно данным касситских кудурру, жалуемая земля чаще всего отчуждалась из коллективного владения, причем община-владелец называется термином *bitu*. Царский указ, начертанный на кудурру, в своей заключительной части обычно содержал угрозы проклятием и самыми жестокими карами богов всякому лицу, которое посмеет нарушать или оспаривать права нового владельца, которое «унесет кудурру и злонамеренно поставит его на другое место, скроет его в потайном месте, ... бросит в воду или в огонь, закопает в землю, обложит кирпичами, замурует в стену, истребит и разобьет, испортит, уничтожит, изгладит мой именной указ»². К угрозам и проклятиям нередко добавлялось запрещение главе *bitu*, членам *bitu* вообще и всякому лицу, которое в будущем сделается главою или должностным лицом *bitu*, возбуждать судебные иски о праве владения к новым владельцам³. Отчужденные у *bitu* земли обычно жалуются царским сановникам и приближенным. Так, все кудурру самой крупной коллекции, Луврской, кроме одного, называют в качестве жалуемых лиц «слуг» царя и царского сына, наследника престола; лишь один кудурру говорит о пожаловании отчужденной земли «богу Мардуку», т. е. храму Мардука, и в тексте этого кудурру проклятия заключаются таким магическим пожеланием: «Мардук, могучий господин этого поля, да выльет жизнь из него (нарушителя кудурру) как воду»⁴.

Таким образом, кудурру касситской эпохи удостоверяют существование в Вавилонии XIV—XII вв. общинного землевладения и субъекта последнего, коллектива, или общины, называемого термином *bitu*. Как уже было указано, Кюк понимает здесь термин *bitu* в значении «племя»,

¹ Тексты важнейших кудурру опубликовывались в BzA, в ZA, в KB, herausg. v. E. S c h r a d e r. Кудурру Британского музея опубликовал K i n g—Babylonian Boundary Stones and Memorial Tablets in the British Museum. Кудурру Лувра опубликовал S c h e i l—Mémoires de Delegation en Perse, vol. I, II, IV, VI, VII, X. Плохо сохранившиеся кудурру Берлинского музея опубликованы в «Vorderasiatische Denkmäler der Königl. Museen zu Berlin», Heft I. К сожалению, изданий Кинга и Шейля в моем распоряжении не было; однако основной и наиболее показательный материал я мог использовать по остальным указанным мною изданиям.

² Ср. кудурру Мелишипака, кол. 5, 40—55, изд. S t e i n m e t z e r—Eine Schenkungsurkunde des Königs Melischichu, BzA, B. VIII, 2, S. 8—9. В этом кудурру заключительная формула дана в наиболее полной и типичной форме.

³ См. в кудурру, опубликованных B e l s e r'ом—Babyl. Kudurrinschriften, BzA, II, 1, S. 118—121: «если кто из братьев, сыновей, потомства (*nimti*), домашних обществ (*nišutu*—Hausgenossenschaft) и родства Бит-Ада восстанет и возбудит или заставит кого-либо возбудить жалобу по поводу этого поля, говоря: это поле не подарено—или: печать не припечатана—будь это будущий глава общины (*bel biti*) Бит-Ада, или надзиратель Бит-Ада, или советник Бит-Ада... или вообще будущее должностное лицо Бит-Ада»; также стр. 122—123, 124—125, 126—127. Цитаты того же содержания из других кудурру см. S u q—Études sur le droit babylonien, p. 92.

⁴ С u q, цит. соч., стр. 87—90; S t e i n m e t z e r—Ueber der Grundbesitz z. d. Kassitenzeit, S. 27.

вроде так наз. древнееврейского колена, или родо-племенной общины. Однако *bitu* может толковаться и в другом смысле. Основное значение ассиро-вавилонского *bitu*, как и еврейского *beth*, установившееся в классовую эпоху,—дом; но из древности удержались и другие значения, в смысле области, страны, а также коллектива, живущего в доме, области, стране. Отсюда термином *bitu* обозначается семья, род, племя, народ¹. В кудурру речь идет, конечно, не о семейной общине; но нет никаких оснований разуметь под *bitu* обязательно только племенную общину, как делает Кюк. Мы уже указывали, что Штейнметцер и Мейсснер характеризуют хозяйство *bitu*, как родовое хозяйство; вслед за ними и В. В. Струве толкует *bitu* в смысле рода². Наличие этих разногласий может объясняться тем, что одним и тем же термином *bitu* в различных кудурру обозначаются общины разной формы. Отсюда следует, во-первых, что и Кюк, и немецкие ученые не правы, подводя все *bitati* в кудурру под какую-либо одну категорию, и, во-вторых, что в числе *bitati* могут оказаться также и сельские общины. Разрешить этот вопрос можно только путем детального анализа конкретных данных кудурру, характеризующих состав, управление, права и повинности *bitu*. Но Кюк в этом направлении ограничился общими сводными замечаниями, далеко не исчерпавшими материала, а Мессершмидт и Мейсснер не сделали и этого. Мы попытаемся на основании анализа данных тех кудурру, какие имелись в нашем распоряжении, подойти ближе к разрешению вопроса о форме общин, скрывающихся под термином *bitu* в кудурру XIV—XII вв.

Прежде всего отметим, что в касситских кудурру, повидимому, действительно встречаются племенные или родо-племенные общины (*tribus*). Такими общинами были две касситские общины—Бит-Ханби (или Бит-Ханбан, Биг-Хаббан) и Бит-Карзиябку, лежавшие, повидимому, по соседству, в области между Тигром и касситским нагорьем, на восток от Описа, занимавшие значительные районы с рядом поселений и имевшие автономию; подробнее о них будет речь ниже. Но рядом с общинами этого типа выступают в кудурру общины другого типа, расположенные в центральной области между Тигром и Евфратом, меньших размеров и находившиеся в областях под управлением царских наместников. На этих общинах следует прежде всего остановиться.

Наиболее типичной и подробно описанной общиной этого рода является Бит-Пири-Амурру, от которой царь Мелишипак (около 1200 г.) отчуждает посредством кудурру за вознаграждение участок земли, жалуемый Мардуку-апли-иддину. Бит-Пири-Амурру находился в области Аккада, на берегу царского канала, соединявшего Тигр и Евфрат, граничил с общиной Бит-Сикамиду и подчинялся управлению царского наместника (*šakin*). Остановимся прежде всего на царских повинностях, которыми была обложена община Бит-Пири-Амурру. Аналогичные повинности перечисляются во многих кудурру, так как пожалование земли очень часто сопровождалось освобождением передаваемых земель и их населения от всяких тягот в пользу царя; в кудурру Мелишипака мы имеем наиболее полное перечисление царских повинностей. Совокупность послед-

¹ Cp. M u s s - A r n o l t—Assyr.-engl.-deutsch. Handwörterbuch, S. 202—204.

² «История древнего мира», изд. ГАИМК, т. I, стр. 239—240; касситское завоевание якобы привело с собою «возрождение родового землевладения»; касситы «разделили всю Вавилонию между своими родами», экспроприировав старых землевладельцев; в кудурру якобы упоминаются эти новые касситские роды. Ниже будет видна полная несостоятельность этих пояснений.

них называлась термином *ilku*, от корня *alaku*—итти; выражение «итти путем царя» обозначало «выполнять царские повинности»¹. Освобождение от царского *ilku* называется также специальным термином *zakutu*—«свобода от повинностей», который, как и *ilku*, встречается не только в кудурру, но и в целом ряде других вавилонских и ассирийских документов.

Из перечислений царских повинностей в кудурру мы узнаем, что общины XIV—XII вв. облагались натуральными податями и принудительными работами. В кудурру Мелишипака говорится, что царь устанавливает *zakutu* для пожалованного участка, принадлежавшего ранее общине Бит-Пири-Амурру, т. е. для жалуемого сановника и живущих на участке общинников и других лиц. Содержание *zakutu* формулируется следующим образом: «Чтобы строительная работа на водяных заграждениях, содержание в исправности царского канала и укрепление его берегов фашинами было обязанностью общины Бит-Сикамиду и селения Дамик-Адад; чтобы не отягощали его (нового владельца) города военным набором, который производится из селений области Иштар-Агаде; чтобы (общинники пожалованного поля) не производили работы на шлюзах царского канала, будь то закрытие, будь то открытие; не производили рытья у царского канала; чтобы земледельцев (*irrišu*) его поселения, будь то приселенцы или коренные жители или его слуги (рабы?), никакой начальник Бит-Пири-Амурру не уводил из его города (области); чтобы ни по указу царя, ни по приказу наместника, ни по приказу кого-либо из общины Пири-Амурру не брали ни деревьев, ни растений, ни соломы, ни зерна и никакого другого сбора, (не брали) его повозок, его запряжек, его выючных животных или его рабов; чтобы при недостатке воды в соединительном канале Рати-аним и в царском областном канале не производилось никакого прекращения (подачи) воды в его оросительный канал; чтобы не брали воду из его оросительного канала, не изменяли (порядка) орошения и не обводняли и не орошали другое поле; чтобы не срезали растений с его поля; чтобы не приводили на его поле скот царя и скот наместника, который будет поставлен над областью общины Бит-Пири-Амурру, и не травили травы (покосов); чтобы не строили дорог и мостов ни для царя, ни для наместника, который будет поставлен над областью Бит-Пири-Амурру, и чтобы никакой новой работы, которая давно заброшена и вновь будет возобновлена — чтобы такой работы не производили»². В отрывке другого кудурру в числе лиц, имеющих право на повинности с общинников, называются, кроме царя, также глава общины (*bel biti*), советники и надзиратели общины; кроме освобождения от работ, этот кудурру запрещает доступ на пожалованный участок сборщику податей, *makisu*, от

¹ Отсюда *ilku* означает также «зависимость», «принуждение». Некоторые буржуазные ассириологи, несмотря на ясное значение *ilku*, установленное такими лексикографами, как Muss-Arnolt и Delitzsch (см. у первого стр. 143, у второго — стр. 70), толкуют *ilku* исключительно в смысле «лен», «ленная служба», хотя в действительности это значение подходит только в редких специфических случаях (ср. Ebeling в переводе кудурру Мелишипака у Gressmann—Altorientalische Texte und Bilder z. Alten Testament, II Aufl. B. I, S. 432—433; Ungnad—Babylon. Briefe aus der Zeit der Hammurabidynastie, S. 255—значение «лен», «ленная служба» правильно только для № 35; Marti—Tribut und Tributleistungen bei den Assyriern толкует в смысле «ленной службы» «*ilku*» в § 36—38 кодекса Хаммураби, что также неправильно; см. об этом ниже. Выражение «итти путем царя» ср. Meissner—Altbabylonische Gesetze, BzA, III, 4, S. 495—496, кол. II, III.

² BzA, VIII, 2, S. 4—7.

технического термина *mīksu*, обозначающего один из сборов с полей¹. Освобождение жалуемого участка от повинностей в пользу царя, царских агентов, главы общины и агентов общины, конечно, вовсе не обозначало каких-либо реальных льгот для населения. «Свобода» участка обозначала предоставление новому владельцу полной свободы эксплуатировать в свою пользу жителей жалуемого участка, в первую очередь общинников.

Далее следует остановиться на материале, характеризующем должностных лиц общины. Во главе общины стоит *bel biti*, буквально «домовладыка», «господин общины». Кроме *bel biti*, в кудурру Мардука-надинахе упоминается надзиратель, советник и *guta-ku*². Функции надзирателя и советника, вероятно, аналогичны функциям *taliary* и *totie* индийских общин, охраняющих общину и наблюдающих за урожаем³. Значение термина *guta-ku* до сих пор не установлено. Возможно, что этот термин надо сближать с термином *guda-abzu*, как назывался жрец-заклинатель в шумерийскую эпоху⁴. Тогда в лице *guda-abzu* мы имеем жреца — гадателя и заклинателя, аналогичного астрологу и брамину индийских общин.

Все эти черты, с которыми выступает перед нами *bitu* в цитированных выше кудурру, рисуют отнюдь не родовую общину, хотя бы в расширенном родо-племенном масштабе. Эти черты рисуют нам сельскую или земледельческую общину на этапе «переходной фазы ко вторичной формации»⁵.

О таком характере *bitu* XIV—XII вв. свидетельствует также с полной ясностью целый ряд других любопытнейших штрихов. Так, в *bitu* кудурру Мелишипака рядом с коренными жителями, потомками членов прежней родовой общины, фигурируют уже «приселенцы», чужаки; как видно из другого кудурру, члены *bitu* уже именуются «соседями»⁶. Это — характерный признак не родовой, а земледельческой, или сельской, общины. Мало этого, из данных цитированных нами и других кудурру вскрывается процесс классообразования внутри общины и сопровождающий его процесс распада общины. Должностные лица общины имеют право не только на прибавочный продукт в той доле, какая является эквивалентом их общественно-полезных функций, но, как мы видели, имеют также право требовать от общинников работы на себя — возникла уже отработочная рента. Из других кудурру видно, что главы некоторых общин получают в свое исключительное пользование участки земли, называемые «полями вождя»; эти «поля вождя» не идут в переделы и становятся личными и наследственными владениями вождей⁷. Вожди и прочие агенты общины, несомненно, явля-

¹ BzA, II, 1, S. 124—125; ср. KB, III, 1, S. 166—169, а также сводку у C и q, цит. соч., стр. 106—107.

² BzA, II, 1, S. 120—121, в общине Бит-Ада, расположенной в центральной Вавилонской области на берегу канала Зирзирри.

³ Сочинения М. и Э., т. XXI, стр. 502.

⁴ Meissner—*Babylonien und Assyrien*, B. II, S. 54. Это возможно ввиду того, что шумерийские слова при их усвоении вавилонским языком в некоторых случаях принимали окончание *akku*, *aku*, ср. Delitzsch—*Assyr. Grammatik*, 2-е Aufl. S. 210.

⁵ Соч. М. и Э., т. XXVII, стр. 695.

⁶ C и q, цит. соч., стр. 101, цитата о 34 «соседях»-общинниках из Луврского кудурру № 14.

⁷ Там же, стр. 101—103. В кудурру Мелишипака перечисляются три лица, имевшие в Бит-Пири-Амурру личные владения и вынужденные уступить части своей земли для участка, отчуждаемого в пользу Мардука-апли-иддина.

ются и рабовладельцами, хотя прямых указаний на это нет. В XII в. при IV вавилонской династии некоторые главы общин уже сделались царскими сановниками, формально перешли в лагерь эксплуататоров. Такие главы общин захватывают в свои руки даже право распоряжения общинными землями. Так, царь Мардук-надин-ахе предлагает главе общины Бит-Ада, который одновременно является царским сукаллу, уступить навсегда часть общинной земли царскому слуге; за свое согласие глава общины получает целый табун в 30 лошадей¹. Община Бит-Ада, как уже указывалось, была расположена в центральной вавилонской области Аль-Ниреа, на берегу канала Зирзирри, и подчинялась управлению начальника Аль-Ниреа; следовательно, она относится к той же категории общин, как и Бит-Пири-Амурру².

Еще более важно остановиться на аналогичных процессах, происходящих в племенных общинах. Мы уже упоминали касситскую общину Бит-Ханби, или Бит-Хаббан. Это была очень крупная и влиятельная община, упоминаемая в другом кудурру Мардука-надин-ахе, в кудурру Навуходоносора I и в надписях Тиглат-Пилесера III, Салманассара III и Саргона. Она имела своих племенных богов, и из среды ее вождей назначались царские наместники в касситскую область Намар, расположенную на предгорьях Загроса. Из кудурру Мардука-надин-ахе мы узнаем, что царский сановник (šak, вероятно, шакканакку) купил участок земли общины Бит-Ханби, граничащий с землей общины Бит-Имбиати, у «сына Ханби» Амель-Бела, подарив последнему в качестве платы за землю колесницу с запряжкой (?), шесть конных упряжек (или седел), двух ослов, быка, свыше десятка одежд, зерно и масло; купленная земля называется в кудурру также «даром царя», а «сын Ханби», очевидно, был главою общины Ханби³. Мы видим отсюда, что в племенных (родо-племенных) общинах происходит тот же процесс разложения и расхищения земель, как и в земледельческих общинах. На этой почве власть главы в иных племенных общинах настолько вырастает, что он ведет себя уже как самостоятельный маленький деспот. Так, глава касситской общины (bel biti) Бит-Карзиябку, смежной с Бит-Ханби, получил для своей общины полную автономию; но эта автономия была уничтожена эламитами, вторгшимися в 1176 г. в Касситское царство. Когда через 25 лет царь IV династии Навуходоносор I в свою очередь пошел в поход на Элам, тогдашний глава Бит-Карзиябку, Ритти-Мардук, повидимому, один из всех прочих касситских bele biti, присоединился к царю и в награду за помощь получил от Навуходоносора кудурру, в силу которого территория Бит-Карзиябку была выделена из области Намар и из ведения наместника последней и получила освобождение (zakutu) от всех работ, повинностей и натуральных сборов в пользу царя и его наместника⁴. Здесь перед нами образец превращения общинного главы в полунезависимого деспота, образец, который, конечно, не был единственным в своем роде в XII в. и в другие эпохи истории

¹ BzA, II, 1, S. 122—125.

² К той же категории относится также община Пир-Шаду-рабу в области Аккада, орошаемая двумя каналами; *Cuq—Etudes*, p. 109.

³ См. исторические сведения о Бит-Хаббан в KB, I, S. 140—141, 143; II, S. 6—7, 16—17, 40—41 и у Delitzsch—Die Sprache der Kossäer, S. 29—30, 35—37. Боги Бит-Хаббан упоминаются в кудурру Навуходоносора I, KB, III/1, S. 170—171 и в обелиске Салманассара III, KB, I, S. 142—143. Кудурру Мардука-надин-ахе см. KB, IV, S. 74—79, и в обработке Бельзера, BzA, II/1, S. 124—129.

⁴ KB, III, 1, S. 164—169.

Двуречья. Ритти-Мардук, Амель-Бел и им подобные *bele biti* являются вавилонскими представителями той категории «слуг» (должностных лиц) родовых и родо-племенных общин, которые «при благоприятных условиях превращаются в господ», не без участия насилия («Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 128). Но совершенно понятно, что при наличии такого процесса классовобразования родовые патриархальные общины, которые были составными ячейками родо-племенных общин, не могли сохраняться в своей нетронутой, неподвижной форме. Они неминуемо должны были изменяться по направлению к земледельческим (сельским) общинам. Ход и подробности этого процесса, к сожалению, в материале кудурру отчетливо не выступают; но нет сомнения, что специальное исследование этого вопроса осветит его в более или менее конкретном виде.

Параллельно с процессом разложения общин изнутри, выступающим из истории Бит-Ханби и Бит-Карзиябку, общины XIV—XII вв., как мы уже указывали, испытывают также разрушительное давление извне. Из цитированных выше касситских кудурру мы видели, что общинники были обложены натуральными податями, т. е. рентой-налогом, в пользу царя и его наместника и были обязаны выполнять для последних целый ряд работ. Мы видели также, что одновременно части общинных земель «отчуждаются» и передаются царским сановникам и жрецам, причем в некоторых случаях новые владельцы получают монопольное право эксплуатации общинников. Как свидетельствует один из кудурру Навуходоносора I, были случаи еще более радикального характера—Навуходоносор превратил общинные земли в собственность жрецов вновь основанного им храма. Во время упомянутого выше похода на Элам Навуходоносор вывез из Элама статуи эламских богов Бела и Эриа; первую он оставил в Вавилоне, а для бога Эриа выстроил новый храм в Хусси, центре общины Бит-Синашариду, и дал жрецам бога Эриа, еще до похода Навуходоносора бежавшим почему-то из Элама в Вавилон, пять участков земли. Три из последних были отрезаны от общин Бит-Синашариду, Бит-Мазинаршарри и Бит-Угар¹. Этот факт, как и случай «продажи» земли общины Бит-Ада, показывает, что мы жестоко ошиблись бы, если бы поверили на-слово текстам кудурру и истолковали термин «отчуждение» общинных земель в том смысле, что последнее происходило в порядке добровольного соглашения и за действительное вознаграждение в пользу всей общины. Напротив, «отчуждение» по существу являлось не чем иным, как расхищением общинных земель. Этот процесс идет под постоянным нажимом со стороны царской власти и со стороны агентов последней внутри самих общин. Общинники, конечно, сопротивляются; уже из-за стандартных форм кудурру слышится отзвуки начавшейся классовой борьбы. О ней свидетельствуют цитированные выше угрозы божественными карами по адресу общинников, если последние вознамерятся нарушать право нового владельца. Эта апелляция к богам показывает, что расхищение общинных земель и превращение общинников в поставщиков прибавочного труда и прибавочного продукта не обходилось без открытого или пассивного сопротивления со стороны массы рядовых общинников. Поэтому в кудурру грабеж общинной собственности и ограбление общинников ставится под защиту богов. И если мы вспомним, что в кудурру

¹ KB, III, 1, S. 172—173; Meissner—Ein Freibrief Nebukadnezars II в ZA, 1899, № 3, S. 261—263. Кудурру приписано Навуходоносору II (604—562) ошибочно; в действительности кудурру принадлежит Навуходоносору I (вторая половина XII в.).

в качестве одного из расхитителей общинной земли выступает и храм Мардука, то этот факт будет еще лишним штрихом для характеристики истинной роли храмов и «богов» в социально-политическом строе и классовой борьбе Двуречья, начиная уже с III тысячелетия¹, ибо патеси первой половины III тысячелетия наделяли богов и сановников земель, конечно, из общинного фонда. Земли богов Энлиля, Бау и всех других—это земли, отнятые у сумерских общин, аналогичных общинам XIV—XII вв.

Таким образом, из данных кудурру касситской эпохи и IV вавилонской династии с несомненностью вытекает, что в XIV—XI вв. в Вавилонии существуют общины разных форм, причем отчетливо выступают категории земледельческой (сельской) общины и родо-племенной общины. И те и другие подвергаются наступлению со стороны царского деспотизма и ослабляются изнутри в связи с процессом выделения из общин эксплуататорских элементов. Отсюда совершенно ясно, что характеристика общин касситских кудурру, как «касситских родов», которую дает акад. Струве, не соответствует действительности и совершенно несостоятельна. Общины XIV—XII вв., как они рисуются в касситских кудурру, вовсе не те касситские роды, которые, возможно, существовали на 400 лет раньше, в XVIII в., когда происходило касситское завоевание Вавилонии. Такие родовые общины за 400 лет пережили глубокие изменения, и значительная часть их к XIV в. превратилась в земледельческие общины переходного типа, настолько, что для обозначения общинников вошел уже в употребление термин «соседи». Сюда надо еще добавить, что названия *bitu* в касситских кудурру также говорят против концепции академика Струве. Целый ряд названий *bitu*—семитские; правда, возможно, что новые касситские общины в некоторых случаях принимали название прежних вавилонских общин, разрушенных при завоевании, но наличие также и касситских названий общин показывает, что в кудурру под семитским названием фигурируют также и старые вавилонские общины².

Опираясь на данные об общинах, извлеченные нами из текстов кудурру XIV—XII вв., мы переходим теперь к разысканию упоминаний об общинах и следов общинного быта в документах последующих и предшествующих эпох. При этом надо, конечно, все время иметь в виду, что формы общинного быта последующих и предшествующих эпох могли быть иные, чем в XIV—XII вв., и что также могла существовать и другая терминология. Таким образом, задача разыскания общины в ассирийско-халдейскую и вавилонско-сумерийскую эпохи является весьма сложной проблемой.

Легче всего обстоит дело по отношению к ассирийской эпохе, или, точнее, по отношению к эпохе великой Ассирийской державы IX—VII вв. В нашем распоряжении имеется, во-первых, знаменитый кудурру Меродах-Баладана II (Мардук-апли-иддина), вавилонского царя, отложившегося от Ассирии (722—711). Кудурру предоставляет одному из санов-

¹ Приходят на память известные слова Маркса о первых шагах феодализации в румынских областях: «С течением времени военные и духовные сановники узурпировали вместе с общинной собственностью и повинности, приуроченные к этой собственности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщина и труд на расхитителей общинной земли» («Капитал», т. I, стр. 271). В Румынии этот процесс пошел дальше и привел к развитию и установлению феодализма; в Вавилонии это был один из периодически повторявшихся моментов начала феодализации, упиравшийся каждый раз в тупик «застойного общинного строя».

² Касситские названия общин встречаются, главным образом, у общин в пограничных областях, ср. С и q—Etudes, p. 108.

ников царя четыре участка земли, из них—один на границе общины Бит-Ашани и, несомненно, отрезанный от территории этой общины¹. Отсюда вытекает, что общины существовали в Вавилонии в VIII в., притом в центральной вавилонской области, так как один из участков жалуемой земли граничит с севера с областью вавилонян. Текст кудурру Меродах-Баладана, к сожалению, не дает определенных данных о характере общин, так как *zakutu* в кудурру не предоставляется. Однако общины в центральной области Вавилонии могли быть только соседскими общинами, аналогичными тем общинам центра, какие выступают в кудурру XIV—XII вв. В других источниках из этой эпохи обнаруживаются следы общин более примитивного типа. Меродах-Баладан был из халдейских князей, а халдеи, распространившиеся с XII в. в юго-западной приморской части Вавилонии и затем постепенно проникшие и внутрь страны, пришли сюда из оазов Аравийской пустыни и только при оседании в Вавилонии стали выходить из родо-племенного кочевого быта. Они садились родовыми общинами, которые с переходом к земледелию превращались в сельские общины переходного к классовому обществу типа. Такой процесс преобразования родо-племенной общины выступает перед нами из трех документов эпохи Асаргаддона и Ассурбанипала (680—626), именно—из надписи Асаргаддона, из письма к царю от Набу-Шаллима, начальника халдейской области Бит-Дакури, и из кудурру, пожалованного одному из царских сановников области Бит-Дакури, по имени Рамман Ибни².

Еще Саргоном было подчинено и обложено данью халдейское племя Бит-Дакури³. При Асаргаддоне племенем Бит-Дакури управлял свой царь (*šarru*), Шамаш-Ибни; он восстал против Асаргаддона, отнял поля у жителей Вавилона и Борсиппы. Асаргаддон победил и взял в плен Шамаш-Ибни, а на место его посадил Набу-Шаллима, «сына Дакуру», т. е. из племени Бит-Дакури, конечно, из среды вождей⁴. Еще во время правления Шамаш-Ибни в Бит-Дакури пришла часть халдейского племени Басихи из соседней болотистой области и поселилась в Бит-Амуккану, т. е. в пределах халдейской общины Бит-Амуккану. Пришельцы были лояльны, но по каким-то причинам, может быть, вследствие того, что Шамаш-Ибни обложил их работами и рентой-налогом⁵, они ушли из Бит-Амуккану. Набу-Шаллим, вероятно, после переговоров с вождями Басихи, обратился к царю с просьбой предоставить кудурру для Бит-

¹ Лучшее издание—*Delitzsch—Merodach-Baladanstein*, BzA, II, 1, о Бит-Ашани см. кол. IV, 9 (стр. 263). Русский перевод, нуждающийся теперь в исправлениях, см. в хрестоматии Ж а р и н о в, Н и к о л ь с к и й, Р а д ц и г и С т е р л и г о в—Древний мир в памятниках его письменности, ч. 1, № 31.

² Призма А, см. KB, т. II, письмо Набу-Шаллима, см. *Pfeiffer—State Letters of Assyria*, 1935, № 74 (стр. 65); это письмо обработано также *Winkler*—*Altorientalische Forschungen*, II, 1, S. 189—190, причем Винклер некоторые неясные места толкует иначе, чем Пфейффер; *Winkler—Zum babyl.-chaldäischen Feudalwesen*, AOF, I, VI, кудурру Рамман-Ибни; в объяснениях Винклера много произвольных утверждений и догадок, проистекающих из его неправильной феодальной концепции халдейского строя.

³ *Анналы Саргона*, см. *Winkler—Die Keilinschrifttexte Sargons*, B. I, S. 52—53.

⁴ Призма Асаргаддона, кол. II, стр. 42—52, см. KB, B. II, S. 128—131. О происхождении Набу-Шаллима, см. в кудурру Рамман-Ибни, строки 10 и 45, AOF, I, VI, стр. 499—500.

⁵ Винклер читает в стр. 14—15 письма Набу-Шаллима *maddattu biltu* вместо *šad-da-giš sa kiššat*, как читает Пфейффер, и переводит, что люди Басихи «платили дань и подавать врагу за нас» (AOF, II, стр. 190). Пфейффер переводит: «поднимались на всех врагов (которые были) против нас». Если Винклер прав, то под «врагом» надо разуместь, конечно, Шамаш-Ибни, восставшего против Асаргаддона.

Амуккану, «чтобы вернуться им (Басихи) на прежнее место и поселиться там (ina biti), где укажет царь, мой господин; пока будут жить они в Бит-Амуккану, их братья не должны быть приневоленными и не должны работать на царя моего господина»¹. Отсюда можно заключить, что община Бит-Басихи только после поселения в Бит-Амуккану начала выходить из родового быта и что первая попытка подчинить ее царской эксплуатации кончилась неудачей. Вследствие этого Набу-Шаллим решил действовать обходным путем—привлечь общину Бит-Басихи обратно приманкой кудурру, а впоследствии подчинить ее своей собственной эксплуатации. При этом кудурру он испрашивал не для Бит-Басихи, а для Бит-Амуккану, т. е. предполагал инкорпорировать Бит-Басихи в общину Бит-Амуккану. Ясно, что при этом Бит-Басихи должна была бы утратить свою родовую самостоятельность и сделаться составным элементом соседской, или территориальной, общины Бит-Амуккану.

В то же время происходит также выделение из халдейских общин командующей верхушки, представители которой закрепляют за собой «участки вождей» в наследственное (отцовское) владение. В кудурру, предоставленном Рамман-Ибни, мы находим на этот счет весьма показательные данные. Отец Рамман-Ибни, Мушизиб-Мардук, во время восстания Шамаш-Ибни потерял свои владения в Бит-Дакури, очевидно, вследствие своей ассирийской ориентации. Асаргаддон приказал вернуть эти владения Мушизиб-Мардуку; но последний тем временем умер, и кудурру, от имени Шамаш-шум-укина, царского наместника в Вавилонии, получил сын и наследник Мушизиб-Мардука, Рамман-Ибни. Кудурру перечисляет подлежащие возврату владения: это отцовские владения в Бит-Хараху, в той общине, откуда был родом Мушизиб-Мардук, и купленные владения в другой общине, Бит-Нуриа; возвращаемые владения граничат с четырьмя другими общинами².

Таким образом, из всех этих данных перед нами выступает очень сложный переплет взаимоотношений, обусловленный «общим взаимоотношением между оседлостью одной части этих (восточных) племен и продолжающимся кочевничеством другой части»³, и слагающийся в процессе видоизменения родо-племенного общинного быта и формирования восточной формы общинного землевладения и общинного быта, зависимость от государственной эксплуатации. Путем такого процесса сформировалась общинная основа Халдейского (новоавилонского) царства, просуществовавшего после падения Ассирии около 90 лет (625—537). Правда, из последней эпохи у нас пока нет документальных данных об общинах, но нет также и никаких оснований предполагать, чтобы за этот краткий промежуток времени общинный строй мог разложиться.

Что касается собственно Ассирии, то названия местностей и поселений с bitu часто встречаются в надписях ассирийских царей. Необходимо проделать кропотливую исследовательскую работу, чтобы выделить те названия с bitu, которые относятся к общинам; у меня отмечено несколько ассирийских названий с bitu, которые, по всей вероятности, относятся к общинам, но мои предположения еще нуждаются в дополнительной проверке. Зато у нас имеются прямые документальные данные о существовании в Ассирии ренты-налога и отработочной ренты. Ассирийские

¹ Письмо Набу-Шаллима, rev., стр. 1—14—P f e i f f e r, p. 65.

² Кудурру, строки 16—29, AOF, I, VI, S. 500—501.

³ Соч. М. и Э., т. XXI, стр. 488.

цари награждали своих сановников и особенно жрецов («богов») свободой (*zakutu*) от всякого *ilku*. Все ассирийские и важнейшие вавилонские храмы имели *zakutu*; из сановников *zakutu* получали наиболее преданные слуги царя, но последние слабые цари, преемники Ассурбанипала, стали щедро раздавать военачальникам «поля, дома и людей» с предоставлением *zakutu*, чтобы обеспечить себе верность жалуемых лиц в тогдашнюю смутную эпоху постоянных войн, восстаний покоренных и революционных вспышек внутри Ассирии. До нас дошло несколько таких грамот, выданных царем Ассурбанипалом его сановникам. Грамоты отличаются только именами жалуемых лиц. В этих грамотах царь освобождает «поля, сады и людей», которые приобретены или получены сановником «под покровительством царя» и сделались «домом» жалуемого, т. е. его владением и хозяйством, от работ на царя (*duršikku*) и воинских наборов, а также от податей, оброков и пошлин в натуре (в испорченном тексте уцелели упоминания о хлебе, быках и овцах и коже); нарушителю этих льгот грозят кары от богов, аналогичные угрозам в кудурру¹. Поскольку «покровительство царя» могло дать сановникам земли только от общины и поскольку рабы, конечно, никаких податей и оброков не платили, постольку мы имеем право полагать, что здесь удостоверяется обложение рентой-налогом общинников и в Ассирии. О «работах на дом царя» в связи с общинным бытом будет речь ниже.

Переходим к вопросу о существовании общин в Вавилонии до эпохи кудурру XIV—XII вв. Тут надо прежде всего еще раз подчеркнуть, что общины, упоминаемые в касситских кудурру, вовсе не были исключительно касситские, принесенные извне. Напротив, как было уже сказано, целый ряд названий общин в кудурру не касситские, а семитские, например Бит-Пири-Амурру, Бит-Синашариду, Бит-Шаду-Рабу, Бид-Ада и др.² Кроме того, как указано выше, некоторые общины, упоминаемые в кудурру, расположены в окрестностях Вавилона и Аккада, у царского канала, т. е. в самом центре Вавилонского царства, где свободных земель для занятия касситами было, конечно, мало³. Общины с касситскими названиями находятся преимущественно в пограничных областях⁴. Отсюда вытекает, что в касситскую эпоху существовали не только касситские, но и семитские, т. е. старые туземные общины, которые касситы застали при своем внедрении в XVIII в. непосредственно после падения древневавилонского царства.

Уже эти данные доказывают существование общин также в эпоху древневавилонского царства. Это положение подтверждают также и документы из этой эпохи, в которых встречается несколько названий общин с термином *bitu*. Несомненное упоминание общины Бит-Адуркитти, или Бит-Агаргина, имеется в акте судебного разбирательства тяжбы по поводу раздела наследственного участка земли между братьями. Документ происходит из Ниппура, датирован царствованием Самсуилуны, преемника Хаммураби. Один из двух спорных участков находился в Бит-Адуркит-

¹ Опубликованы Meissner'ом—Assyrische Freibriefe, BzA, II, 3, S. 565 f.; формула освобождения—стр. 566, строки 23 сл., перевод—стр. 568. Лучший перевод одной из надписей дает Steinmetzer—Ueber d. Grundbesitz..., стр. 31—32.

² В упомянутых кудурру, а также в другом кудурру Мелишипакa ср. C и q, цит. соч., стр. 88, 100—101.

³ Кроме указанных выше, см. также общины в кудурру Нази-Марутташа (XIV в.) и во втором кудурру Мелишипакa—C и q, стр. 88.

⁴ См. C и q, стр. 108.

ти; так как, кроме этого участка, в деле фигурирует еще участок в области Гула, очевидно, благоприобретенный, то надо полагать, что отец спорящих получил из Бит-Адуркитти выдел и потому был, вероятно, одним из должностных лиц общины¹. Аналогичный материал имеется в одном письме из эпохи Аммидитаны, третьего преемника Хаммураби. Из письма видно, что один сановник купил у «сынов Синримени в Биту-ту» участок земли и сдал его в обработку другому лицу; отсюда вытекает, что участок был в совместном (семейном) владении продавцов и был выделен, вероятно, еще их отцу из земель общины Биту-ту². Оба документа свидетельствуют об общине на том же этапе развития, как и общины в кудурру XIV—XII вв. Встречающееся в двух документах название Бит-Каркар вряд ли является названием общины; скорее это был вновь укрепленный город³.

Эти данные, конечно, не исчерпывают материала о древневавилонских общинах, какой может быть обнаружен по линии термина *bitu*; в этом направлении необходимо вести дальнейшую разведочную работу. Но, кроме этого, в документах эпохи древневавилонского царства обнаруживаются данные об общинах и общинном строе по другим линиям. Прежде всего, существование общины и общинного строя засвидетельствовано кодексом Хаммураби. Тут в первую очередь надо указать ст. 23 и 24, которые устанавливают обязанность *alu* возмещать убыток лицам, ограбленным на территории *alu* неизвестными грабителями, и уплачивать сверх того штраф родным в случае, если ограбленный был убит. Комментаторы толкуют термин *alu* различно. Унгнад, Мюллер, Волков, а вслед за последним и Струве⁴, толкуют *alu* в смысле «город», т. е. в том значении, в котором термин *alu* стал обычно применяться в сложившихся деспотиях Двуречья с конца III тысячелетия. Однако *alu* имеет целый ряд других, более древних значений, в том числе «местность», «область» и «поселение» вообще, включая маленькие деревни, и в конечном счете восходит к тому же древнему корню, от которого происходил евр. *'ohel*—шатер кочевого скотовода, и сабейское *'hl*—семья⁵. Это учли другие, более вдумчивые комментаторы. Так, Винклер остановился на более общем термине «*Ortschaft*», но Колер и Пейзер и новейший комментатор кодекса Эйлерс переводят *alu* в ст. 23 и 24 прямо терминами *Gemeinde*, *Mark*, исходя из общего смысла параграфов, основывающихся на общинном праве⁶.

Другой термин для обозначения общины нашел в кодексе Кюк. Он исходит из того совершенно правильного положения, что в Вавилонии,

¹ Schorr—Urkunden des Altbabyl. Zivil- und Prozessrechts, № 298, S. 428—432; (акт первоначально был опубликован Кюком в «Essai sur l'organisation judiciaire de Chaldée» RAs, 1910, № 2 и отдельно, p. 10—12); русский перевод в хрестоматии «Древний мир в памятниках его письменности», т. I, сделан по Кюку.

² Ungnad—Babylon. Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie, № 235, S. 200—201.

³ Schorr—Urkunden, № 202 и 230: «год, когда была построена стена в Бит-Каркар».

⁴ Ungnad в хрестоматии Gressman—Altorient. Texte und Bilder, 2-е Aufl., B. I, S. 385; Müller—Die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältniss zur Mosaischen Gesetzgebung, S. 15; В. В. Струве в «Хрестоматии по древней истории», т. I, стр. 47 сохраняет без исправлений перевод Волкова.

⁵ Muss-Arnolt—Wörterb., S. 38; Delitzsch—Wörterb., S. 59.

⁶ Winckler—Die Gesetze Hammurabis, S. 15; Kohler u. Peiser—Hammurabis Gesetz, B. I, S. 15; Eilers—Die Gesetzstele Chammurabis, S. 19—20, стр. 24 (к § 54). Толкование «община» было принято и мною в хрестоматии «Древний мир», ч. 1, стр. 91, прим. 1.

как и в Египте, сооружение и содержание в порядке каналов, плотин и дамб, необходимых для искусственного орошения, было искони (à l'origine) делом «семейств, соединенных в общины (tribus)» и что на этой почве существовала неразрывная связь (cohésion) между семьями, соединенными в общины, и вытекавшим отсюда режимом (régime) собственности. На этом основании Кюк высказывает весьма вероятную гипотезу, что редко встречающийся термин *ugaru* в ст. 53 и 54 кодекса Хаммураби обозначает общину. Статьи 53 и 54 говорят, что если по чьей-либо небрежности произойдет прорыв плотины, и вода затопит *ugaru*, то виновник обязан возместить убыток соответствующим количеством зерна; если он не может этого сделать, то он сам и его имущество продаются, а вырученные деньги делят между собой *mar* затопленного *ugaru*. Обычно переводят слово *ugaru* просто «поле», *mar ugaru*—«крестьяне». Но Кюк думает, что тут дело идет об общинном поле и об общинниках, и потому *ugaru* должно в данном случае иметь значение «община», а *mar ugaru*—«общинники», ибо если содержание в порядке плотин и каналов было обязанностью общин, то и наложение штрафов за нарушение этой обязанности и распределение возмещения должно было производиться в коллективном порядке¹. Гипотезу Кюка я проверил по документам сборников Унгнада, Шорра и Дайхеса и нашел любопытные сопоставления. Царь Самсуилуна, преемник Хаммураби, делает распоряжение удалить рыбаков, проникших для рыбной ловли в *ugarim rabiim* и *ugarim tamkanim*, и впредь их туда не пускать². Унгнад считает *tamka im* собственным именем, а *rabiim* переводит «великий», но это, вероятно, также собственное имя. Смысл распоряжения ясен, если признать, что дело идет о проникновении чужих рыбаков в пределы общинных владений, где исключительное право рыбной ловли принадлежало, конечно, общинам. Царь защищает право общин, возможно, потому, что общины—амморейские, из его соплеменников. Другие документы с термином *ugaru* наводят на мысль о фактах расхищения общинных земель. Так, в документе собрания Унгнада № 64 фигурирует некий Ибни-Адад, владеющий несколькими небольшими участками земли в разных местах, в том числе участком в 12 ган поля в *ugar hissatin*; о том же свидетельствует № 19 в собрании Шорра, где в числе владений жрицы Шамаша фигурирует участок в *ugar kablum*, вероятно, подаренный ей царем³. В документах о продаже земли также встречаются участки из *ugaru*, наряду с участками, границами просто с *ekil* (поле) определенного лица⁴. Однако встречаются также документы, где *ugaru* вряд ли можно толковать в смысле общины⁵. Но, во всяком случае, вопрос о существовании общины и общинного права в эпоху древневавилонского царства в свете приведенных данных бесспорен.

Существование общин в довавилонскую эпоху засвидетельствовано таким документом, против показаний которого первоначально не решался спорить даже акад. Струве. Это—надпись на известном обелиске Маништусу⁶, царя Аккада, содержащая перечень участков земли, которые

¹ С и q, цит. соч., стр. 108—110; Э й л е р с (стр. 24) переводит *mar ugaru*—Markgenossen.

² U n g n a d, цит. соч., № 60.

³ Также у S c h o r r, № 113.

⁴ D a i c h e s—Altbabylonische Rechtsurkunden, № 5 и 18—продаются поля в *ugar Tunnam* и в *ugar Buša*.

⁵ Например S c h o r r, № 121, 122, 125, 131, 133 и др.

⁶ Надпись опубликована в издании M o r g a n—Delegation en Perse, t. II, p. 6—39.

царь скупил в четырех местностях около Киша и других соседних городов и роздал 49 новым владельцам, названным «сынами Аккада». Четыре из последних названы по имени с обозначением их общественного положения. Это — царский племянник и трое сыновей патеси, т. е. сановники; очевидно, и остальные «сыны Аккада» принадлежали также к числу слуг царя. Таким образом, тут перед нами выступает такой же случай пожалования царских слуг землею, с какими мы встретились в касситскую и ассирийскую эпохи. Мало этого, оказывается, что и земли, передаваемые царем Маништусу новым владельцам, отчуждены также у общин¹. Одна из общин, Бит-Гишману, названа по имени²; судя по тому, что отчуждаемые участки довольно значительны по площади (площадь одного участка доходит до 300 га), надо полагать, что и другие названия местностей, в которых производилось отчуждение, также относятся к общинам, ибо частновладельческие земли в эту эпоху были небольших размеров, а от храмов земли не отчуждались.

В надписи Маништусу речь идет, несомненно, о семитских общинах, так как упоминаемые там общины расположены в области Киша, древнейшего семитского центра, и названия общин также семитские. Семитское заселение северной части Южного Двуречья произошло, надо полагать, в середине IV тысячелетия; но древнейшими насельниками Южного Двуречья были сумеры, создавшие свою государственность еще в начале IV тысячелетия (первая династия Ура). Вопрос о сумерских общинах еще совершенно не разработан. Правда, В. В. Струве в первой своей работе признает для первой половины III тысячелетия существование родовых сумерских общин, находящихся якобы в процессе быстрого разложения, которое будто бы окончательно завершается к началу эпохи I вавилонской династии. Однако материал, на который ссылается акад. Струве, говорит уже не о родовой, а о земледельческой (соседской) общине. Акад. Струве ссылается на документы о продаже участков земли из Шуруппака; в этих документах говорится, что основную плату получал продавец, а добавочную — «соедоки покупной цены»³. Последних В. В. Струве считает родственниками продавца — тогда перед нами будет домашняя община. Но возможно и другое толкование, — что формальным продавцом является глава земледельческой общины, а «соедоки» — это общинники. И в том и в другом случае постулируется существование именно земледельческой общины, с общим владением землей, но с надельным хозяйством и с зачатками разложения, аналогичными тем, какие обнаружены нами для эпохи XIV—XII вв. Факты, свидетельствующие о существовании общины в эпоху I вавилонской династии, опровергают также и положение акад. Струве о полном разложении общины в начале II тысячелетия. В особенности это надо подчеркнуть по отношению к родовой общине. Последняя, конечно, существовала на всем протяжении истории Двуречья, но не в земледельческих областях, а в смежных с пустыней скотоводческих областях, являясь основной ячейкой кочевых племен.

¹ В «Очерках социально-экономической истории древнего Востока» акад. Струве признавал также, что земли были куплены у «родовых общин» (стр. 9). Однако в последней своей работе — «История древнего мира», изд. ГАИМК, т. I — В. В. Струве отказался от своего первоначального толкования и говорит, что царь Маништусу купил земли «у богатых семей» (стр. 91).

² Faccе С., col. 13, 15 (стр. 28).

³ «Очерки», стр. 9 и прим. 52 на стр. 33. В последнем указывается, что только в одном документе «соедоки» отсутствуют.

Таким образом, существование сумерской общины совершенно бесспорно и признавалось раньше даже акад. Струве. Вопрос только идет о ее характере и истории ее развития; трудность здесь—в недостатке выявленного до сих пор материала. Для разыскания нового материала о сумерской общине необходимо, прежде всего, выяснить сумерские термины для обозначения общины. Отправным пунктом здесь может быть термин *ugi* или *egī*, обозначающий «город». Этот термин очень древний и происходит от того же несемитского корня, как и древнееврейский термин *‘ir*, а последний в своем значении прошел такую же историю, как и ассиро-вавилонское *alu*¹. Но возможно также, что обнаружится и специальный сумерский термин, обозначающий общину, подобный специальному древнееврейскому термину *‘eda*.

Таковы основные свидетельства о существовании общины в Двуречье, начиная с IV тысячелетия и кончая ассирийской эпохой. Но, кроме того, в нашем распоряжении имеется ряд других косвенных документальных свидетельств, также удостоверяющих непрерывное существование общины в древнем Двуречье. На первом месте тут надо остановиться на документальном материале из области обязательственного права.

Мы имеем здесь в виду одну весьма своеобразную категорию долговых обязательств, толкование которой создало много затруднений ассириологам. Эти долговые обязательства, условно обозначаемые формулой *šubanti*, связаны иногда с обязательством личной отработки, но чаще всего с обязательством поставить во время жатвы определенное количество рабочей силы. На эту категорию долговых обязательств обратили внимание еще Колер, Кюк, Швенцнер и Шорр, затем на них остановился в 928 г. Кошакер, а в самое последнее время ими занялся Лаутнер, который подвергнул вопрос об этой категории обязательств специальному юридическому исследованию². Кошакеру и Лаутнеру удалось нащупать путь к правильному пониманию природы этих обязательств, именно на почве общинного обычного права. Документы категории *šubanti* имеются из всех эпох истории Двуречья, начиная с III династии Ура, и не только из вавилонских и ассирийских областей, но также и других этнических районов Двуречья—эламских и субарейских³.

В обязательствах *šubanti*, по мнению Лаутнера, следует различать два главных варианта. Первый вариант формулируется по такой схеме: « $\frac{1}{2}$ секеля серебра за работника на жатве от А получил (*šubanti*) В, сын X; во время жатвы придет работник для жатвы, если нет—закон царя». В документах этого варианта иногда уточняется вторая половина формулы в таком виде: «за $\frac{1}{2}$ секеля серебра придет n работников для жатвы»; число работников колеблется от одного до десяти—двенадцати работников, редко больше. Второй вариант формулируется по такой схеме: «n сила зерна за работников на жатве от А получил (*šubanti*) В, сын X; во время жатвы придут работники для жатвы, если не придут, то закон царя». В документах этого варианта иногда уточняется, что должник должен уплатить долг с процентами и отработать на жатве лично или доставить

¹ Ср. G e n e s i u s-B u h l—Hebräisch-aram. Handwörterbuch, 15-e изд., стр. 576; А. Р а н о в и ч—Очерк истории древнееврейской религии, стр. LVIII.

² L a u t n e r—Altbabylonische Personenmiete und Erntearbeiterverträge, Leiden, 1935. Работы K o s c h a k e r—Neue keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna Zeit, 1928, которую цитирует Лаутнер, в моем распоряжении, к сожалению, не было.

³ L a u t n e r, цит. соч., стр. 15—16, 20—31.

работников¹. Ориенталисты запутались в толковании этих обязательств. Колер, Шорр и некоторые другие толкуют договоры *šubanti* в смысле договоров на посредничество для предоставления рабочей силы; при этом они различают получателя и рабочих и допускают возможность совпадения получателя и рабочего в одном лице только для обязательств поставки сдного рабочего². Швенцнер идет еще дальше и полагает, что в документах *šubanti* дело идет об обязательствах профессиональных предпринимателей по поставке рабочей силы, имеющих постоянно готовые кадры рабочих³. Совершенно ясно, что такое понимание исходит из мейеровско-каутскианской концепции капиталистического развития древнего Востока, согласно которой на древнем Востоке происходила массовая пролетаризация крестьянского населения. Кюк повторяет то же толкование, но в несколько смягченной форме. Он считает, что получателем является либо рабочий, получающий аванс в счет платы за будущую работу на жатве, либо рабочий, который берет на себя организацию рабочей артели под своим руководством и получает вперед вознаграждение за свои труды⁴.

Против всех толкований подобного рода, особенно Швенцнера, говорит помимо принципиальных соображений то обстоятельство, что в документах одного и того же времени и из одной и той же местности в качестве контрагентов выступают всегда разные лица, а это было бы невысказано, если бы контрагентами были профессиональные подрядчики. Другое возражение против подобных толкований заключается в том, что получаемое вперед вознаграждение в серебре колеблется в размере от $\frac{1}{6}$ до 6 секелей, независимо от того, идет ли дело об одном рабочем или нескольких; ясно, что для посредника и в особенности для профессионального подрядчика такая «уравниловка» не могла представлять никакой выгоды. Поэтому Лаутнер отвергает толкование договоров *šubanti* в качестве договоров посредничества на поставку рабочей силы и поддерживает толкование, предложенное Кошакером. Лаутнер подчеркивает, что в обязательствах *šubanti* центр тяжести лежит в том, что формула *šubanti* как бы избегает принятия на себя получателем личного обязательства работы. Договоры, согласно которым получатель обязывался поставить одного работника, давали возможность бедному человеку ставить за себя заместителя в случаях, если ему во время жатвы набегит работа в разных местах на короткие сроки. Точно так же и в других случаях, когда берется обязательство поставить нескольких рабочих, контрагентами, по мнению Кошакера и Лаутнера, являются мелкие люди, крестьяне. Во всех случаях контрагент при приеме обязательств рассчитывает на содействие родичей, и выполнение договора обеспечивается существованием (*Bestand*) семейных общин и земельных коллективов (*Familienkommunionen und Liegenschaftsgemeinschaften*)⁵. Другими словами, эта форма обязательств базируется на существовании общинного строя и общинного права.

Толкование Кошакера и Лаутнера тем более важно, что оба этих ученых, подобно Кюку, все же считают, что со времени Хаммураби господствующей формой хозяйства было «мелкобуржуазное хозяйство» и что

¹ Lautner, цит. соч., стр. 146—147, 152—153.

² Там же, стр. 170—171; Schorr—Urkunden, S. 199.

³ Schwenzner—Zu dem Altbab. Wirtschaftsleben, S. 7.

⁴ Cuy—Etudes, p. 232—233.

⁵ Lautner, цит. соч., 172—175 и прим. 516.

общинное хозяйство существовало не во все эпохи и не во всех культурных областях Передней Азии¹. Тем не менее их точка зрения на общинную основу обязательств *šubanti* совершенно правильна и должна послужить основой для окончательного разрешения вопроса о договорах этой категории. Слабое место в концепции Лаутнера заключается в том, что он в своем анализе на первое место выдвигает формально-юридические моменты. Между тем, различные варианты формулы *šubanti* требуют объяснения с исторической точки зрения. Правильное деление вариантов этой формулы должно исходить из качественного содержания обязательства. Тогда перед нами выступят два варианта такого рода: во-первых, долговое обязательство, предусматривающее, кроме уплаты долга с процентами, также отработку на жатве, личную или через заместителя, и, во-вторых, обязательство поставить на жатву определенное количество рабочей силы, обеспечиваемое выдачей аванса в счет будущей оплаты труда. В том и в другом случае выполнение обязательства обеспечивается существованием общины—семейной или сельской; но происхождение этих вариантов разное и связывается с различными этапами взаимоотношений между общинным и частным хозяйством. Долговое обязательство с отработкой надо считать древнейшей формой; она подразумевает обязательство однообщинников выручать членов домашней или сельской общины, впавших в долги. Происхождение обязательств на поставку рабочей силы иное. Тут необходимо специальное исследование; в качестве исходной рабочей гипотезы, мне кажется, следует выдвинуть предположение, что эти договоры подразумевают существование частного хозяйства, нуждающегося в сезонных рабочих, но вынужденного считаться с общиной, как с основным резервом рабочей силы. В этом отношении весьма любопытны договоры из эпохи Хаммураби, в которых условие о найме рабочих на жатву заключается с родителями последних, т. е. с главой домашней общины². Однако бывали случаи, когда и такой договор не обеспечивал явки рабочего в условленное время; вследствие этого частные хозяева для надежного обеспечения артели рабочих на время жатвы заранее заключают договоры с представителем определенной общины, давая задаток в определенном, установившемся в данном месте и в данное время размере³. В пользу этого толкования говорят также документы, составлявшиеся при явке рабочих (списки наличия), и расчетные документы. Артели или группы рабочих являлись со своим старостой (*waklum*), который и сам также принимал участие в работе; Лаутнер полагает даже, что получатель по договору *šubanti* являлся на жатву в качестве *waklum* своей артели⁴. Но если это так, то существование второго варианта говорит, во-первых, о сравнительной малочисленности индивидуального предложения рабочей силы и, во-вторых, о ведущей роли общинного хозяйства и о жизненной силе общины, неизменно сохранявшейся во все эпохи, начиная с древнеаккадской и кончая новоассирийской, наперекор всем попыткам разрушения общинного быта.

¹ L a u t n e r, цит. соч., стр. I—3. Лаутнер, между прочим, полагает, что в эпоху древнеавилонского царства общинного быта не существовало; но он тут же сам себе противоречит, указывая на документы из этой эпохи, свидетельствующие о существовании неразделенных общих владений (прим. 3 на стр. I), и на распространенность договоров *šubanti* в древнеавилонскую эпоху (стр. 16 сл.).

² Ср. S c h o r r—Urkunden, № 157.

³ Простейший образец такого договора из эпохи Хаммураби приводит К ю к, цит. соч., стр. 12.

⁴ L a u t n e r, S. 221—223, 228, 230.

Другое косвенное свидетельство о непрерывном существовании общинного строя в Двуречье дается нам документальными данными об организации принудительных работ населения «на дом царя». Свидетельства об этих работах имеются из всех эпох истории Двуречья: из III тысячелетия, из древневавилонского царства, из касситской, ассирийской и халдейской эпох. Документальные данные из III тысячелетия наиболее многочисленны и подробны. Это—тысячи документов отчетности патесиатских, царских и храмовых хозяйств о наряде рабочих на различные работы, с обозначением характера и места работы, с обозначением числа рабочих людей и лиц, их доставивших, о продолжительности работы (в днях), о довольствии рабочих. Акад. Струве, в противность общепринятому толкованию основных категорий рабочих в документах III тысячелетия в качестве крестьян, привлеченных в принудительном порядке на царские работы, старается подвести все категории рабочих в документах III тысячелетия под категорию рабов. Но такие же счетные документы из последующих эпох, дошедшие, правда, в значительно меньшем числе¹, а также целый ряд других документов совершенно бесспорно говорят о принудительных работах «на дом царя» именно крестьян-общинников. В числе таких документов прежде всего надо указать на кудурру и ассирийские льготные грамоты; затем на ряд распоряжений Хаммураби и других царей первой вавилонской династии о нарядах людей на разные царские работы²; наконец, на переписку касситской и ассирийской эпох о производстве различных работ рабочими людьми в принудительном порядке³. Работы, выполняемые «на дом царя»,—разнообразного характера; главное место во все эпохи занимают работы на каналах и дамбах, строительные и ремонтные работы (в храмах и дворцах), выделка кирпича, резка тростника и транспортные работы. В теории к работам «на дом царя» должно было привлекаться все население; однако население многих городов и жречество освобождалось от этих работ⁴; кроме того, среди горожан практиковался обычай заместительства. Таким образом, тяжесть работ «на дом царя» почти целиком ложилась на крестьянство. Постоянное и широкое применение принудительных работ «на дом царя» было возможно только на базе постоянно существующего общинного быта.

При работах «на дом царя» общественный труд применялся в форме простой кооперации. Маркс указывает, что на первых ступенях человеческой культуры, как, например, в земледельческих общинах Индии, форма простой кооперации «покоится, с одной стороны, на общественной собственности на условия производства, с другой стороны—на том, что отдельный индивид не оторвался еще от пуповины, связывающей его с племенем или общиной, как отдельная пчела от пчелиного улья». В порядке такой кооперации сумерские общинники еще ранее IV тысячелетия создали первую сеть общинных

¹ Ср. Lautner, гл. V; Рифтин—Старовавильонские документы, № 114, 116, 142 и др.

² См. Ungnad—Babyl. Briefe, № 42—48, 65, 78.

³ См. Waschow—Babylonische Briefe aus der Kassitenzeit, 1936, S. 9—10, 41—42, 43—44, 45—48, 50—52, 58—59, 63—64, 66—68; Pfeiffer—State Letters of Assyria, 1935, № 109, 114.

⁴ Такую льготу имели города Вавилон, Борсиппа, Сиппар и Ниппур, с древности и вплоть до ассирийской эпохи, см. Тураев—История древнего Востока, т. I, стр. 115; Winkler—AOF, I, VI, Zur babylonischen Verfassung, S. 469—473, русский перевод — Тураев, I, стр. 116; Winkler, AOF, I, V, S. 401—406 (надпись Саргона). О льготах храмам см. Meissner—Babylonien und Assyrien, B. I, S. 128 (касситская эпоха) и 145 (ассирийская эпоха).

каналов. В сумерском религиозном тексте, объясняющем происхождение земледелия от божественной пары Энки и Нинурты и широко использовавшем фольклорный материал, сооружение первого канала возводится к тому блаженному времени, когда «надсмотрщик еще не ходил кругом в своей гордыне», «когда еще не говорили: насильник притеснил Дильмун, начальник города устроил там свое местожительство», т. е. еще к эпохе доклассового общества, свободных родовых земледельческих общин¹. В классовом обществе, как добавляет в том же месте Маркс, применение простой кооперации «покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, преимущественно (*zumeist*) на рабстве».

Исторические примеры показывают, что первые случаи применения простой кооперации на основе отношений непосредственного господства и подчинения практиковались в форме применения рабского труда военнопленных. Но на древнем Востоке с того времени, как сложились деспотические государства, обеспечившие непосредственное господство деспотов над свободным населением общин, последнее принуждено было в порядке подчинения производить работы по нарядам царя и его сановников наравне с рабами. Привлечение общинников к крупным работам вызывалось и облегчалось тем обстоятельством, что общины представляли собой постоянный источник рабочей силы, в отличие от случайного и колеблющегося притока военнопленных, а также и тем, что общинная организация являлась готовым аппаратом для набора и организации самой рабочей силы.

Все эти моменты чрезвычайно выпукло выступают из документальных данных об организации работ «на дом царя» в Двуречье. Прежде всего, чрезвычайно показательна терминология. Мы уже указывали, что обязанность выполнять царскую работу и царскую службу обозначалась термином *ilku*. Этот термин, от корня *alaku*—итти, первоначально обозначал приказ итти и выполнять работу или поручение, а отсюда—подчинение чьему-либо господству или управлению. Термином *ilku* обозначается подчинение или зависимость раба от его господина²; этот термин употребляется для обозначения совокупности обязательств, налагаемых ассирийскими царями на побежденных³; наконец, этот термин применяется для обозначения обязательства работы «на дом царя» и разных видов службы «на дом царя»⁴. Еще более показательны специальные термины для обозначения принудительных работ «на дом царя». Наиболее употребителен, начиная с эпохи древневавилонского царства, термин *tuṣšikku*, в ассирийских документах—*tuṣšikku*. Это слово обозначает специальную шапку или плетеную из тростника повязку, которую обычно носили рабочие на царских работах. Такая повязка, по мнению Мусс-Арнольта, первоначально была специфическим головным убором рабов, который отличал раба от свободного; отсюда этот термин стал прямо обозначать или раб-

¹ «Капитал», т. I, стр. 380. Сумерский текст—так наз. эпос о Дильмуне—см. (текст и перевод) W i t z e l—Keilinschriftliche Studien, Heft I, о первом канале—стр. 57—59. Издание и перевод L a n g d o n'a Витцель подвергает правильной строгой критике (стр. 51—53).

² U n g n a d—Briefe, № 143, 13—15.

³ Ср., например, KB, III, I, S. 172—173, 38.

⁴ Ср. кодекс Хаммураби, ст. 38: *redu, bairu* и *naši bilti* (обложенный тяглом) не могут продавать и завещать поле, дом, сад своего *ilku*; U n g n a d—Briefe, № 117, 8; 186, 6—7; 195. Унгнад и некоторые другие ассириологи толкуют *ilku*, главным образом, в смысле ленной службы, лена; но это одностороннее толкование, конечно, тенденциозно и неправильно.

ство или принудительную работу на царя¹. В надписях ассирийских царей *dupšikku* очень часто соединяется с другим термином, *allu*, для обозначения совокупности трудовых обязательств, возлагавшихся как на побежденных и военнопленных, так и на свободных подданных царя. *Allu* обозначает первоначально также принадлежность раба—цепь, ярмо, а затем рабочее орудие как рабов, так и свободных рабочих, особенно землекопов и кирпичников,—корзину, мешок, досчатое приспособление для переноски кирпичей². Асаргаддон приказал «носить *allu* и *dupšikku*» военнопленным, т. е. послал их в качестве рабов на принудительные работы; Саргон приказал военнопленным, взятым во время похода, как и ассириянам, взять на себя *allu* и *dupšikku*, а в другом случае для земляных работ на постройке города призвал военные отряды из своего войска и также приказал им «носить *allu* и *dupšikku*», т. е. нарядил их на принудительные работы³. Отсюда понятно любопытное выражение в одном письме из эпохи Хаммураби. Автор письма пишет матери: *ilku*, которую он несет, «приковывает меня» (*isra. n. ita*), и поэтому он, повидимому, не мог отлучиться⁴. Остается добавить, что в кудурру Мелишипака и в письмах касситской эпохи встречается еще один термин для обозначения работ и службы «на дом царя» именно: *dullu*. Этот термин происходит от корня *dalu*, который обозначает—тянуть, вытягивать, специально ведро с водой из колодца, отсюда черпать и подавать воду⁵. Но работа по подаче воды обычно возлагалась на рабов; таким образом, и здесь перед нами выступает перенесение терминологии рабской работы на принудительные работы свободного населения.

Анализ этих терминов с полной очевидностью показывает, что принудительные работы общинников «на дом царя» были введены путем насильственного принуждения сверху. С той поры, как свободные общинники принуждены были наравне с рабами носить *allu* и *dupšikku*, появилась и над ними, как над рабами, палка надсмотрщика, и кончился золотой век свободного общинного строя. Естественно, что общинники не сразу примирились с наложением на них рабских цепей и на первых порах всячески пытались уклоняться от царских работ. В числе недавно опубликованных хозяйственных документов из аккадского города Нузи, восходящих к III тысячелетию, имеются списки «беглых людей», скрывавшихся от привлечения на работу для дома царя⁶. Сопротивление общинников вызвало ответную меру со стороны царской власти в форме издания закона, грозившего смертной казнью и конфискацией имущества всякому лицу, которое будет уклоняться от обязанности «итти по пути царя». Закон этот был издан в эпоху древневавилонского царства, и возможно, что он фигурировал в одной из утраченных статей кодекса Хам-

¹ *Muss-Arnolt-Wörterb.*, S. 264; *Delitzsch-Wörterb.*, S. 227; термин постоянно употребляется в распоряжениях Хаммураби, в надписях ассирийских царей и других документах. Ср. также *Lautner*, цит. соч., стр. 89, прим. 300. В том же значении, как и *dupšikku*, употребляется более редкий термин *kudurru*, однозвучный с *kudurru*=межевой камень.

² *Delitzsch-Wörterb.*, S. 70; *Meissner-Babyl. und Assyrien*, B. I, 8. 139, 145, 229.

³ *Delitzsch-Wörterb.*, S. 227; *Meissner-Babyl. und Assyrien*, B. I, S. 139, цилиндр Саргона. КВ, II, 48—49; вместо *umšiku* надо читать *dupšikku*, ср. *Delitzsch*, S. 227.

⁴ *Ungnad-Briefe*, № 117, 8.

⁵ *Muss-Arnolt-Wörterb.*, S. 247; *Delitzsch-Wörterb.*, S. 218.

⁶ *Ср. OLZ*, 1936, III, 150—151, о новом издании *Meek-Old Akkadian, Sumerian and Cappadocian Texts from Nuzi* (о беглых людях ст. 151).

мураби¹. Но и этот закон не мог парализовать сопротивления общинников. Хаммураби вынужден был дать приказ наместнику Юга Синдиннаму о том, чтобы среди присылаемых им рабочих людей не было «ни одного слабосильного, ни одного старика и ни одного ребенка», а только «сильные люди»². Преемник Хаммураби, Самсуилуна, вынужден был ставить при общинниках, согнанных на строительные работы в Сиппаре, стражу из военных эламитских наемников³. Борьба общинников против порабощения на работах для дома царя не прекращалась и в последующие эпохи. У нас, к сожалению, нет точных данных о частых восстаниях рабов и свободных при последних ассирийских царях, однако нет никакого сомнения в том, что эти восстания поднимались чаще всего общинниками, согнанными на царские работы. Из халдейской эпохи дошло до нас одно письмо, в котором говорится, что люди, согнанные на царскую работу при храме Шамаша в Сиппаре, «сопротивляются и не делают царской работы»⁴. Нет сомнения, что дополнительная разведка в документальном материале обнаружит еще немало случаев подобного рода.

Терминология в то же время показывает, что если с точки зрения принудительного характера работы общинников для дома царя последняя уподоблялась рабской работе, то сами исполнители этой работы все же не рассматривались, как рабы. Обычно в ассирийских, касситских и отчасти древневавилонских документах люди, наряженные на царскую работу, называются термином *šabu*, множ. *šabe*⁵. Первоначально этот термин обозначает взрослого, сильного человека, затем он применяется постоянно в качестве обозначения рядового воина; во множественном числе *šabe*, обозначает как солдат, так и рабочих людей. Ассиро-вавилонскому *šabu* соответствует шумерский термин *kal*, имеющий то же самое первоначальное значение и употребляющийся также для обозначения рядовых воинов и рабочих людей. В хозяйственных документах III тысячелетия термин *kal* очень часто употребляется с дифференцированными обозначениями. Мы встречаем: 1) *kal-eri* или *kal-eri -adu*, по толкованию немецких и французских шумерологов—барщинные люди, 2) *kal-ud*—люди поденные, с обозначением количества дней работы, 3) *kal-sag-dub*—наемные рабочие и 4) *kal-agad*—люди-рабы⁶. Первая и вторая категория *kal* обозначает одинаково рабочих людей, привлеченных в порядке принудительной работы «на дом царя»; *kal* без дифференциации может обозначать как рабочих людей вообще всех категорий, так в некоторых случаях

¹ Ср. Meissner—Altbabylonische Gesetze, BzA, III, 4, S. 493—496, о фрагментах древневавилонского закона из библиотеки Асурбанипала. Почти все фрагменты или воспроизводят соответствующие статьи кодекса Хаммураби, или аналогичны им по смыслу. Col. II, и Col. III, 23 сл., устанавливают обязанность каждого вавилонянина «итти по пути царя»; кара смертью и конфискацией имущества в сохранившейся статье грозит пастуху или рыбаку, отказавшемуся «итти по пути царя»; но, конечно, эта кара имела общую силу для всех уклоняющихся.

² Ungnad—Briefe, № 48.

³ Там же, № 65.

⁴ Klaußer—Keilschriftbriefe, S. 29.

⁵ В письмах касситской эпохи (см. Waschow) термины *šabe*, *šabe dulli* применяются систематически также и в ассирийских документах. Относительно древневавилонской эпохи см. Lautner, цит. соч., стр. 195—196.

⁶ Цитаты по транскрипции, принятой у М. В. Никольского—Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи, т. II. О значении *erip* см. Legrain—Le temps des rois d'Ur, p. 35—38: *kal*—corveable см. также Genouillac в «Hilprecht Anniversary Volume», p. 139; М. В. Никольский, цит. соч., стр. 4 и 5 и № 6, 8 и др.

опять-таки свободных людей на царской работе¹. Термин *erin* (*erim*) для обозначения свободных людей на царской работе применяется также в документах древнеавилонского царства; любопытно, что в последних документах термином *eril* обозначаются также люди, несущие сторожевую службу (*erin-pa*). Рабы в этих документах называются в отличие от свободных термином *wardu*². Кроме обозначений *sabe* и *erin*, в эпоху древнеавилонского царства встречается еще одно специальное обозначение—*ummal erištim*, рабочие люди, от *arāṣu*—делать что-либо: строить корабли, изготавливать одежду, обрабатывать поле, отсюда вообще «работать»³.

Таким образом, выясняется двойная, противоречивая форма эксплуатации общинников на принудительных работах для дома царя: свободные люди распоряжением царя временно становятся на положение рабов. Эту характерную черту подметили еще греки. Ксенофонт отождествляет с рабством вообще ту форму непосредственного господства и подчинения, которая, по его наблюдению, существовала на Востоке: «мне известно, что весь персидский народ, исключая лишь одного человека (т. е. царя), это—толпа рабов, чуждая гражданских добродетелей»⁴.

Если мы обратимся к организации, существовавшей в Двуречье для проведения принудительных работ «на дом царя», то мы увидим, что эта организация опиралась на общинный быт. Касситские кудурру, как мы видели выше, прямо говорят об освобождении общин от работ «на дом царя». Формула освобождения запрещает писцам или агентам «каналов и сухой земли» (*šapire pari*, или *kalle pari u tabali*) входить в общины для набора людей на царскую работу⁵. Эта организация существовала и в эпоху древнеавилонского царства. Из писем Хаммураби Синидиннаму обнаруживается, что в подчинении у Синидиннама были специальные агенты, в ведении которых были отряды рабочих людей для производства работ на каналах, на постройках, на транспорте, на стрижке овец, а в других письмах из эпохи преемника Хаммураби Самсуилуны фигурируют *šapire*

¹ Как уже указывалось, акад. Струве пытался доказывать, что *kal* всех категорий обозначает рабов, на основании одного документа из собрания Женьульяка (*G e p o u i l l a s—Textes économiques d'Oumma de l'époque d'Oug, № 5675*), впервые переведенного самим акад. Струве. На основании этого документа акад. Струве полагает, что в эпоху III династии Ура существовали царские «латифундии», обрабатывавшиеся трудом рабов, и что в одной из таких «латифундий» было занято не менее 600 рабов. В своей рецензии («Проблемы истории докапиталистических формаций» 1934, № 7—8) я показал произвольность и необоснованность этих положений акад. Струве; ответ последнего, напечатанный в той же книге «Проблем», не только не дает никаких новых документальных данных в пользу положений акад. Струве, но, наоборот, дает новое оружие критике. Акад. Струве дал в своем ответе полный перевод документа № 5675; из него видно, что размеры «латифундии» всего 601 ган, т. е. 210 га, что основные сельскохозяйственные работы—пахота и посев—производились силами 24 постоянных рабочих, так наз. *arip* (пахарей), что *kal*, выработавшие за год всего около 20% общего числа всех выработанных человекодней, заменили всего 6 (точнее 5,9) человек постоянных рабочих и что труд их применялся (как говорят и другие документы) на жатве, на работах по осушению и ремонту ирригационных сооружений, на рубке и доставке тростника и терновника.

² Р и ф т и н, цит. соч., № 114, 116, 143 и др.—*erin*; *wardu*—№ 144 и др. *L a u t n e r—erin(erim)=sabe*, S. 196.

³ *U n g n a d—Briefe*, № 43, 46; ср. там же стр. 266—268.

⁴ «Hellenica», VI, 1, 12, цит. по русск. перев. Л у р ь е—«Греческая история» Ксенофонта, стр. 138; ср. там же, стр. 266, цитату из «Елены» Эврипида: «все варвары—рабы, свободен лишь один».

⁵ BzA, II, S. 124—125, 150; KB, III, I, 172—173. Б е л ь з е р в BzA, II, S. 150 неправильно толкует термин *kalle pari* в смысле рабочих на каналах.

pari¹. Эти же *kalle pari u tabali* встречаются в вавилонских кудурру XII в.² Таким образом, перед нами выступает не только общинная основа принудительных работ на царя вообще, но также общинная основа третьей функции всякой восточной деспотии—заботы об искусственном орошении, т. е. о воспроизведении. Несомненно, что такая же организация сохранялась и в ассирийскую и халдейскую эпохи. Многочисленные указания о наряде *kal* для работ на каналах и для других работ из III тысячелетия свидетельствуют о существовании подобной организации еще в сумерскую эпоху³.

Для завершения характеристики общинной основы организации принудительных работ «на дом царя» остается отметить еще два любопытных штриха. Уже упоминавшийся приказ Хаммураби о том, чтобы на работу не наряжались слабосильные, старики и дети, но только сильные люди, показывает, что царские агенты обычно передавали наряды на определенное число рабочих общинным властям, а последние уже сами производили отбор заданного числа рабочих. Совершенно понятно, что общины при этом старались сохранить за собой лучшую рабочую силу, а на царскую работу посылали таких людей, которые не были полноценными работниками. Другой штрих еще более интересен. Из документов, приводимых Лаутнером и Унгнадом, видно, что практиковалась еще одна мера обеспечения царских работ надлежащей рабочей силой, также опиравшаяся на общинную организацию. Именно, община при наряде рабочих людей по договору или в порядке *ilku* обязывалась организовывать и держать наготове соответствующую группу заместителей (*tahhu*), которая должна была замещать основную группу, если последняя не явится, или уйдет раньше срока, или разбежится⁴. Таким образом, перед нами выступает тот же самый обычай круговой поруки общинников, какой лежит в основе постановлений кодекса Хаммураби в ст. 23, 24, 53, 54 и в основе договоров *šuba.ti*. Наконец, характерен самый термин, которым обозначалась артель, наряженная на царскую работу. Это—*umma.ii*, от *umti*—материнская утроба, отсюда мать; по-русски условно можно перевести этот термин—б р а т ч и н а. Термин восходит, несомненно, еще к эпохе материнских родов, когда им обозначался рабочий коллектив родичей-братьев, происходящих от одной матери; в последующие эпохи термин сохранился, но получил общее значение рабочего коллектива какой-либо общины⁵. Непосредственным руководителем работы (*mušerišu*) каждой артели (*umma.ii*) был ее староста из своих же общинников, называвшийся *waklum* и работавший наравне с остальными членами группы⁶.

Совершенно очевидно, что описанная организация была бы невозможна, если бы, как пытается доказать в своих работах акад. Струве, община в эпоху Хаммураби уже разложилась, и прежняя масса общинников рассыпалась по стране в качестве наемников, мелких арендаторов

¹ U n g n a d—Briefe, № 184; толкование Унгнада «Gebietler»—господин, начальник канала—неверно.

² KB, IV, S. 66—67, в кудурру Мардука-надин-ахе.

³ Ср. целый ряд документов в цит. труде М. В. Н и к о л ь с к о г о—Документы хозяйственной отчетности, т. II.

⁴ L a u t n e r, цит. соч., стр. 225—226.

⁵ U n g n a d—Briefe, № 43, 46, 48 и др. Термин употребляется также для обозначения военных отрядов.

⁶ О *mušerišu* см. U n g n a d, № 47, также стр. 267; *mušerišu-waklum* при *erim*—см. L a u t n e r, цит. соч., стр. 202, 211—213.

и долговых рабов. Факты показывают, что концепция акад. Струве является чисто-искусственным построением, вынуждающим автора проходить мимо обширного и совершенно ясного документального материала.

Для завершения характеристики общинного быта в Двуречье было бы необходимо остановиться подробнее на вопросе о ренте-налоге, как специфически-восточной форме выкачивания прибавочного продукта из крестьян-общинников («Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 569—570). Попутно мы уже указывали на существование ренты-налога в Двуречье; однако подробное рассмотрение этого вопроса тесно связано с общим вопросом об организации в государствах Двуречья «ведомства грабежа собственного населения» и поэтому должно быть выделено в отдельную статью. Здесь следует только указать, что, как показывает надпись Урукагины, традиционная 10-процентная норма ренты-налога была нарушена уже в первой половине III тысячелетия и что впоследствии, вплоть до ассирийской эпохи, рядом с десятиной существовал 25-процентный налог и специальные налоги и сборы, в том числе в пользу храмов (ассир. *telitu*).

Подведем теперь итоги. Приведенные нами далеко не исчерпывающие документальные данные с полной определенностью свидетельствуют, что общины в Двуречье существуют на всем протяжении истории последнего, начиная с IV тысячелетия и кончая халдейской эпохой. Некоторые общины по временам частью разлагаются, частью уничтожаются в результате неоднократных вторжений в Двуречье горных и степных племен — эламитов, гутиев, сутейцев, аморреев, хеттов, касситов, арамейских племен, в том числе халдеев, и других. Но те же самые вторжения этих народов, еще только выходящих из родо-племенного быта, каждый раз оставляют после себя или приносят с собою новые общины взамен разрушенных, рядом с уцелевшими старыми общинами. Таким образом, общинный быт вновь получает новые соки и силы и вновь укрепляется. Сельские общины были в Двуречье основными производственными ячейками. Конечно, общины в разное время и в разных областях не были однородными. Уже наше разведочное исследование показало, что встречались разные категории общин, начиная от родовой общины, почти еще не затронутой разложением, и кончая земледельческими (сельскими) общинами на разных этапах развития последней и разных масштабов, от небольшой волости до целого района. Детальное исследование форм и судеб общины Двуречья является важнейшей очередной задачей советских ориенталистов, завещанной Марксом марксистской исторической науке.

Общинники всегда, не исключая и тех моментов, когда начинал где-либо обозначаться процесс разложения общин, составляли огромное большинство населения и основную массу непосредственных производителей. Эта масса общинников для командующей сановно-жреческой верхушки общества Двуречья была также главным объектом «грабежа собственного населения», о котором говорят Маркс и Энгельс. Принудительные работы под стражей наемных солдат и под ударами палок надсмотрщиков и рента в форме натуральных налогов в пользу царя, его сановников, жрецов и собственной общинной администрации были основными приемами этого грабежа. В результате такой безжалостной эксплуатации происходило разорение маломощной части общинников. Одни из разорившихся попадали в долговое рабство, другие — и таких было немало —

вынуждены были продавать свои сады и наделы¹, отрывать от общины и искать себе средств существования другим путем. Эти последние элементы, выброшенные за борт общины, и составили кадры наемных черно-рабочих, пастухов, а также тех земледельцев, которые брали в обработку на кабальных условиях за часть урожая участки поля и сады у землевладельцев и храмов. Последняя категория непосредственных производителей появилась в обществе Двуречья, начиная со второй половины III тысячелетия², и сделалась постоянным составным элементом массы трудящихся вплоть до конца Халдейского царства³. Но с этой категорией эксплуатируемых мы вступаем уже в сферу частновладельческого и храмового хозяйства, т. е. в сферу, органически связанную с командующей группой рабовладельцев Двуречья. Основной вопрос здесь заключается в определении удельного веса и места частного и храмового хозяйства в экономике Двуречья, а отсюда—и удельного веса и места «арендаторов» в общей массе трудящихся. Исследование документального материала по этой линии подтверждает наше положение об основной роли общинного хозяйства и общинников в Двуречье. Но этой теме необходимо посвятить особую статью.

¹ В документах на продажу земли эпохи первой вавилонской династии отчетливо выступают две категории продаваемых участков: во-первых, от гана (в эту эпоху ок. 6,5 га) до нескольких ганов (до 90 га), и, во-вторых, мелкие участки, от карликовых в 100—500 кв. м (*Daiches*, цит. соч., № 1, о покупке одним лицом трех таких участков) до участков размером в 1,75 га. Первые участки, конечно, частновладельческие; вторые, несомненно, крестьянские. В качестве покупателей последних нередко выступают жрицы (*Schor—Urkunden*, № 93, 94, 95а—жрицы Шамаша). Ср. купчие в собраниях Шорра и Дайхеса.

² Этот факт засвидетельствован в отрывках сумерского кодекса эпохи III династии Ура (§ 1 и 2).

³ Для касситской эпохи—см. *Schor—Eine babylonische Seissachtie aus dem Anfang der Kassitenzeit*, S. 6; для персидской эпохи см. *Kohler—Ungnad—Hundert ausgewählte Rechtsurkunden aus der Spätzeit*, № 51, 52, 54, 55.

